Естественная история

ДРАКОНОВ

Мемуары леди Трент

МАРИ БРЕННАН

Иллюстратор
Тодд Локвуд

ТРОПИК ЗМЕЕВ

Мари Бреннан

Мемуары леди Трент: Тропик Змеев

Серия «Естественная история драконов», книга 2

Издательский текст
https://litres.ru/35010096
Естественная история драконов. Тропик Змеев. Мемуары леди Трент:
Издательство АСТ; М.; 2018
ISBN 978-5-17-108213-0

Аннотация

Захватывающие приключения леди Трент продолжаются! Читатели, коим посчастливилось прочесть первый том мемуаров леди Трент под названием «Естественная история драконов», уже знакомы с тем, как образованная, педантичная и целеустремленная девушка по имени Изабелла впервые ступила на исторический путь, что в будущем приведет ее к славе крупнейшего в мире исследователя драконов. В этом, втором томе леди Трент с отменной откровенностью вспоминает следующий этап своей блистательной (и зачастую скандальной) карьеры. Спустя три года после судьбоносного путешествия в неприступные горы Выштраны миссис Кэмхерст

наперекор семье и обычаям отправляется в новую экспедицию – на охваченный войной эриганский континент, родину столь экзотических разновидностей драконов, как обитающие в траве степные змеи, древесные змеи, живущие в буше, и самые загадочные и неуловимые из всех – болотные змеи тропических джунглей. Экспедиция нелегка. Сопровождаемой старым партнером и беглой наследницей знатного рода, Изабелле предстоит столкнуться с угнетающей жарой, беспощадными лихорадками, дворцовыми интригами, злыми языками и прочими опасностями, дабы утолить свой безграничный интерес ко всему, что связано с драконами. Даже если для этого нужно проникнуть в самую глубь неприступных джунглей, известных как Зеленый Ад, где ее мужество, смекалка и научное любопытство подвергнутся небывалым испытаниям.

Содержание

Предисловие 7
Часть первая, 10
Глава первая 10
Глава вторая 26
Глава третья 43
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Мари Бреннан
Естественная история драконов. Тропик Змеев. Мемуары леди Трент

Copyright © 2014 by Bryn Neuenschwander All rights reserved.

Cover and interior art © Todd Lockwood

© Д.А. Старков, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

ТАЛУССКИЙ СОЮЗ
БАЙЕМБЕ
р. Хемби
Атуйем
Нсебу
Мулин
Иойнт-Мириам
р. Гаомомо
р. Гирама
Ошет
ЭРЕММО
(оккупирована Иквунде)
N

Предисловие

Общественное мнение – материя изменчивая. Ныне меня превозносят от края до края Ширландии, как живое свидетельство интеллектуальной мощи и отчаянной храбрости, присущей нашему народу. Действительно, быть может, я и не самая знаменитая ширландка в мире, однако осмелюсь утверждать, что вполне могу потягаться в известности и с Ее Величеством Королевой. Я далека от мысли утверждать, будто пользуюсь повсеместной любовью, однако, если какая-либо газета находит уместным упомянуть обо мне (что наблюдается теперь не так уж часто ввиду того, что за последние десять лет я как-то не удосужилась ни совершить новых революционных открытий, ни оказаться на грани в надлежащей мере жуткой гибели), шансы на благосклонный тон упоминания весьма высоки.

Так было не всегда. Да, тех, кто помнит те времена, среди живущих осталось немного, и лишь немногие из них настолько неделикатны, чтобы поднимать эту тему, но некогда меня лишь поносили в прессе самого скандального свойства. Однако копания в моем грязном белье меня отнюдь не смущают – тем более что данное белье за все эти годы успело донельзя изветшать. К тому же, если предъявленные мне обвинения в одних грехах совершенно безосновательны, то другие, следует признаться, полностью справедливы – в той ме-

ре, в какой можно доверять моему собственному мнению на сей счет.

Поскольку мои мемуары еще не завершены, не могу с уверенностью сказать, будет ли второй их том посвящен сплетням и слухам превыше всех остальных. Эта честь вполне может принадлежать более позднему периоду моей жизни, предшествовавшему второму браку, когда наши взаимоотношения с будущим мужем послужили зерном для множества очень и очень деятельных мельниц – как на родине, так и за рубежом. Я еще не решила, о многом ли из этого стоит вспоминать. Но и этот том будет достойным соперником прочим, так как именно в эти годы мне довелось столкнуться с обвинениями в блуде и государственной измене, а также заслужить славу худшей из матерей во всей Ширландии. Одно это превышает достижения всей жизни абсолютного большинства женщин настолько, что даже внушает своего рода извращенную гордость.

Помимо этого, данная часть моих мемуаров, конечно же, расскажет вам о моей экспедиции в Эригу. И предупреждения, сделанные в предисловии к первому тому, касаются и ее: если вас могут отпугнуть описания насилия, болезней, чуждой ширландскому вкусу пищи, экзотических религиозных верований, публичной наготы, либо грубых дипломатических просчетов, закройте эту книгу и перейдите к чтению чего-либо более подходящего.

Но уверяю вас: сама я сумела пережить все эти неприят-

ности, и чтение о них вы, вероятнее всего, также переживете.

Леди Трент
Амави, Прания,
23 вентиса 5659 г.

Часть первая,
в которой мемуаристка покидает родину, оставив позади множество различных проблем, от семейных до криминально-правовых включительно

Глава первая

Мое затворничество – Мои невестка и мать – Нежданный визитер – Несчастье у Кембла

Незадолго до того, как отправиться в Эригу, мне пришлось препоясать чресла и выступить в поход, который я полагала куда более опасным – то есть поехать в Фальчестер.

Нет, в обычном смысле слова столица вовсе не была таким уж ужасно опасным местом, если не считать опасности вымокнуть под дождем. Я регулярно ездила туда из Пастеруэя, чтобы следить за состоянием некоторых дел. Однако эти поездки не получали широкой огласки – то есть о них было известно лишь горстке людей, никто из которых не страдал болтливостью. Насколько же было известно всей Шир-

ландии (точнее, тем немногим, кому было до этого дело), я вела жизнь затворницы – с тех самых пор, как вернулась из Выштраны.

Затворничество мое было позволительно ввиду личного горя, хотя на самом деле я проводила большую часть времени в работе – вначале над подготовкой к публикации результатов наших выштранских исследований, а затем в приготовлениях к эриганской экспедиции, которая раз за разом откладывалась в силу совершенно непреодолимых для нас обстоятельств. Однако этим граминисским утром я не могла уклониться от социальных обязанностей, которые исправно хоронила под вышеназванными делами. Лучшим выходом было разделаться с ними разом, в один и тот же день: вначале нанести визит кровным родственникам, а затем – родственникам со стороны мужа.

От моего дома в Пастеруэе до фешенебельного района Хэвистоу, где год назад обосновался Пол, старший из моих братьев, было совсем недалеко. Обычно, благодаря сразу двум счастливым обстоятельствам – его частым отлучкам и полному отсутствию интереса ко мне со стороны его супруги, – мне удавалось избегать обязательных родственных визитов к нему, но на сей раз я получила особое приглашение, и проще было принять его, чем ответить отказом.

Пожалуйста, поймите: я вовсе не питала неприязни к собственной семье. Мои отношения с родными чаще всего были достаточно теплыми, а с Эндрю, младшим из братьев – про-

сто прекрасными. Но остальные братья находили меня, мягко говоря, странной, а осуждение моего поведения матерью склоняло к тому же и их. Что потребовалось от меня Полу в этот день, я не знала, но в общем и целом предпочла бы встречу с рассерженным выштранским горным змеем.

Увы, эти создания обитали слишком далеко, а брат – так близко, что от него было не скрыться. Чувствуя себя так, будто опоясываюсь мечом перед битвой, я с подобающим леди изяществом приподняла юбки, взошла на крыльцо и позвонила в колокольчик.

Лакей впустил меня внутрь и препроводил к невестке, ждавшей в малой столовой. Джудит была образцом жены и матери семейства, принадлежащего к высшему классу ширландского общества, во всех смыслах, в которых я таковой не являлась: неизменно прекрасно, но без стесняющих излишеств одета; гостеприимная хозяйка, всемерно помогающая работе мужа всеми средствами светской жизни; любящая мать троих детей, явно не собиравшаяся на сем останавливаться.

Роднило нас только одно, а именно – Пол.

– Я не вовремя? – осведомилась я, принимая чашку чая.

– Конечно, вовремя, – ответила Джудит. – Сейчас Пола нет – у него встреча с лордом Мелстом, – но мы будем рады, если вы останетесь до его возвращения.

С лордом Мелстом? Да, Пол стремительно шел в гору.

– Полагаю, дела Синедриона? – заметила я.

Джудит кивнула.

– После того, как он занял это кресло, нам выпала недолгая передышка, но теперь все его время отдано государственным делам. Боюсь, я почти не увижу его до самого гелиса.

Это значило, что я могу ждать здесь у моря погоды очень и очень долго.

– Тогда не стоит обременять вас, – сказала я, отставив чашку и поднимаясь с места. – Думаю, мне лучше уехать и вернуться позже. Сегодня я обещала нанести визит также и деверю, Мэттью.

К моему удивлению, Джудит подняла руку, останавливая меня.

– Нет, прошу вас, останьтесь. У нас сейчас гостья, и она надеялась увидеться с вами…

Возможности спросить, кто эта гостья, мне так и не представилось, хотя определенные подозрения зародились в тот же миг, как Джудит открыла рот. Дверь распахнулась, и в гостиную вошла мать.

Теперь все стало ясно. Дорожа душевным спокойствием, я незадолго до этого перестала отвечать на письма матери. Та, даже когда я прямо попросила об этом, и не подумала прекратить критиковать каждый мой шаг и намекать на то, что я потеряла в Выштране мужа из-за собственного своеволия и недомыслия. Конечно, игнорировать ее было неучтиво, но альтернатива была бы много хуже. Потому-то, чтобы увидеться со мной, ей нужно было явиться в мой дом без

предупреждения… или же обманом заманить меня в чужой.

Подобная логика отнюдь не смягчила моей реакции. Если только мать не явилась предложить примирение (в чем я сильно сомневалась), это была ловушка. Я бы скорее вырвала себе зуб, чем согласилась выносить ее новые обвинения. (Дабы вы не подумали, будто это просто фигура речи, в скобках замечу, что однажды мне действительно довелось вырвать себе зуб, и данное сравнение не из тех, какими легко разбрасываются.)

Как выяснилось, на сей раз ее обвинения хотя бы основывались на свежем материале.

– Изабелла, – заговорила мать, – что это за вздор: я слышала, ты собираешься в Эригу?

Я славлюсь склонностью обходиться в разговоре без светских условностей и, как правило, приветствую эту черту в остальных. Но в данном случае слова матери подействовали на меня, как стрела, пущенная из засады и вонзившаяся прямо в мозг.

– Что? – с довольно глупым видом переспросила я (не потому, что не поняла ее, но потому, что даже не представляла себе, где и от кого она могла об этом слышать).

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я, – неумолимо продолжала мать. – Изабелла, это просто абсурд. Ты не можешь снова отправиться за границу – а уж тем более в Эригу! Там же воюют!

Я вновь нащупала кресло, воспользовавшись паузой, что-

бы восстановить душевное равновесие.

– Это преувеличение, мама́, и ты сама это прекрасно понимаешь. В Байембе нет никакой войны. Талусский манса не осмелится на вторжение, пока граница находится под защитой ширландских солдат.

На это мать только хмыкнула.

– Думаю, тому, кто – после двухсотлетней оккупации! – выгнал ахиатов из Элерки, смелости не занимать. И даже если не нападет он, кто может поручиться за этих ужасных иквунде?

– Их отделяют от Байембе все мулинские джунгли, – раздраженно напомнила я. – Не считая, конечно, рек и ширландских войск, что стоят там на страже. Мама́, весь смысл нашего военного присутствия в Байембе – в обеспечении безопасности этих земель.

Мать смерила меня до жути серьезным взглядом.

– Изабелла, солдаты не могут устранить опасность. В их силах лишь уменьшить ее.

Да, все свое ораторское искусство я унаследовала от матери, но в тот момент была не в настроении восхищаться ее формулировками. Как и радоваться ее осведомленности в делах политики – кстати сказать, крайне удивительной. Ширландские дамы ее положения, да и большая часть мужчин тоже, вряд ли смогли бы назвать две эриганские силы, вынуждавшие Байембе искать помощи за рубежом – иными словами, в Ширландии. Джентльменов в те времена интере-

совало только крайне однобокое «торговое соглашение», согласно коему в Ширландию шло байембийское железо и прочие ценные ресурсы, за что байембийцы позволили нам разместить по всей своей земле солдат и построить колонию в Нсебу. Леди же подобными вещами не интересовались вовсе.

Уделяла ли мать всему этому внимание прежде или занялась самообразованием, прослышав о моих планах? В любом случае я собиралась сообщить ей эту новость вовсе не так. Как именно – я еще не решила: я раз за разом откладывала это дело, насколько понимаю сейчас, из чистой трусости. И вот он, результат – неприятная сцена на глазах у невестки, судя по вежливой гримасе, застывшей на лице, прекрасно знавшей, чем кончится наша встреча.

(Внезапно шевельнувшийся в мозгу червь подозрения подсказал мне, что знал об этом и Пол. Встреча с лордом Мелстом – ну да, конечно! Как жаль, что ему пришлось уехать именно к моему появлению!)

Что ж, по крайней мере, это означало, что к попрекам матери не присоединятся союзники.

– Будь там настолько опасно, – сказала я, – министерство иностранных дел ни за что не позволило бы гражданам путешествовать в Эригу, не говоря уж о том, чтоб там селиться. А оно позволяет и то и другое. Что ты на это скажешь?

Ей вовсе ни к чему было знать, что одна из непрестанных задержек нашей экспедиции была связана именно с попыт-

ками убедить министерство иностранных дел дать нам визы.

– В самом деле, мама́, какие войны? В Эриге куда больше следует опасаться малярии.

Не знаю, что меня дернуло за язык, но с моей стороны это было чистым идиотизмом. Глаза матери странно блеснули.

– В самом деле, – сказала она так, точно эти слова были застывшим на морозе стеклом. – Однако ты намерена отправиться в этот рассадник тропических заболеваний, даже не подумав о собственном сыне.

Ее обвинение было и справедливым, и в то же время – нет. Действительно, я думала о сыне не так много, как можно ожидать. После его рождения у меня оказалось так мало молока, что пришлось нанимать кормилицу, и меня это более чем устраивало: маленький Джейкоб слишком напоминал своего покойного тезку. Теперь он, двухлетний, отнятый от груди, находился на попечении няни. Согласно брачному контракту, я была весьма щедро обеспечена, но большая часть этих денег шла на научные исследования, а книги о нашей экспедиции в Выштрану – научная работа под именем мужа и мои собственные пустопорожние путевые заметки – не принесли тех доходов, на какие можно было надеяться. Однако из того, что оставалось, я щедро платила за заботу о сыне – и вовсе не потому, что вдове второго сына баронета не пристало выполнять эту работу самой. Сама я просто не знала бы, что делать с Джейкобом.

Люди часто полагают, что все премудрости материнства –

вещь чисто инстинктивная: дескать, как бы мало женщина ни смыслила в уходе за детьми до рождения собственного первенца, сам факт половой принадлежности обеспечит ей все необходимые навыки и способности. Это в корне неверно даже на грубейшем биологическом уровне, что подтверждается отсутствием у меня молока, и уж тем более неверно на уровне социальном. В последующие годы я начала понимать детей с точки зрения натуралиста: я знакома с процессом их развития и могу оценить это чудо прогресса по достоинству. Но в то время маленький Джейкоб был для меня существом куда более загадочным, чем дракон.

Так кто же сможет ухаживать за ребенком лучше – женщина, занимавшаяся этим прежде, оттачивавшая свои навыки годами и любящая свое дело, или неумеха, не получающая от этого ни малейшей радости и считающаяся пригодной для данной работы в силу одного лишь прямого биологического родства? Мое мнение было целиком на стороне первой, и потому я не видела разумных причин, препятствующих поездке в Эригу. Вот с этой точки зрения я очень даже думала о сыне!

Однако о том, чтоб изложить все это матери, не могло быть и речи.

– Мэттью Кэмхерст с женой, – заговорила я, чтобы потянуть время, – предложили взять его к себе, пока меня нет. У Бесс уже есть ребенок почти тех же лет, и вместе им обоим будет веселее.

– А если ты погибнешь?

Этот вопрос рухнул на нить беседы, точно мясницкий тесак, и значительно укоротил ее. Щеки мои вспыхнули от гнева или от стыда – скорее всего, от того и другого разом. Прямолинейность матери в этом вопросе возмутила меня до глубины души… но ведь в выштранской экспедиции погиб мой муж. Вполне вероятно, меня ждала в Эриге та же участь.

Мертвую, истекающую кровью тишину нарушил стук в дверь. Вслед за этим в гостиную вошел дворецкий с серебряным подносом в руке. Склонившись, он подал Джудит лежавшую на подносе карточку, и Джудит приняла ее – механически, будто марионетка, которую потянули за нить, приводящую в движение руку. Недоумение выгравировало на ее переносице крохотную морщинку.

– Кто такой Томас Уикер?

Это имя возымело эффект не замеченного вовремя бордюрного камня на краю мостовой: мысленно споткнувшись о него, я едва не упала ничком.

– Томас Уи… а он-то что здесь делает? – догадка, пусть и явившаяся с запозданием, успела помочь удержаться на ногах. Ни Джудит, ни мать не были с ним знакомы, и ответ оставался только один. – О, думаю, он здесь с тем, чтобы увидеть меня.

Спина Джудит разом выпрямилась и затвердела: так наносить светские визиты не полагалось. Мужчине не следовало являться на поиски вдовой женщины в дом, ей не принадле-

жащий. Мельком взглянув на карточку, брошенную Джудит обратно на поднос, я отметила, что это, собственно, даже не визитная карточка, а клочок бумаги с написанным от руки именем мистера Уикера. Час от часу не легче! Мистер Уикер, строго говоря, не был джентльменом – тем более из тех, что бывают в этом доме с визитами в обычных обстоятельствах.

Я сделала, что могла, чтобы выиграть время.

– Прошу прощения. Мистер Уикер – ассистент эрла Хилфордского, которого вы, конечно, помните: это он организовал экспедицию в Выштрану, – и теперь организовывал эриганскую, хотя состояние здоровья не позволяло ему сопутствовать нам. Но ради каких невероятно спешных дел лорд Хилфорд мог отправить мистера Уикера за мной в дом брата? – Мне следует поговорить с ним, но беспокоить этим вас ни к чему. Я уезжаю.

Вскинутая рука матери остановила меня прежде, чем я успела подняться с кресла.

– Не стоит, не стоит. Думаю, мы все с большим интересом послушаем, что скажет этот… мистер Уикер.

– В самом деле, – слабым голосом сказала Джудит, повинуясь невысказанному приказу, кроющемуся в словах матери. – Пришлите его к нам, Ландуин.

Дворецкий с поклоном удалился. Судя по расторопности, с коей появился мистер Уикер, он рванулся вперед в тот же миг, как его пригласили войти; в каждом его движении чув-

ствовались волнение и тревога. Однако он уже давно изо всех сил старался улучшить манеры, усвоенные с детства, и потому прежде всего представился Джудит.

– Доброе утро, миссис Эндмор. Я – Томас Уикер. Простите, что беспокою вас, но у меня срочное сообщение для миссис Кэмхерст. Должно быть, мы с ней разминулись по дороге: я приехал к ней вскоре после того, как она выехала из дому. А новости, боюсь, настолько плачевны, что не могут ждать. Мне сказали, она отправилась с визитом к вам.

Услышав его отрывистую, не слишком внятную речь, я изо всех сил стиснула кулаки, охваченная самыми дурными предчувствиями. Между тем мистер Уикер, как и подобает, смотрел только на Джудит – разве что коротко кивнул в мою сторону, когда произнес мое имя, и я помимо собственной воли переглянулась с матерью.

Увиденное в ее глазах повергло меня в изумление. «Мы все с большим интересом послушаем, что скажет этот мистер Уикер…» Да она думала, что он – мой любовник! Возможно, я несколько преувеличивала, но на лице матери было именно такое выражение, точно она со всем вниманием приглядывалась к нам в поисках признаков нашей непристойной связи, но осталась ни с чем.

Так и должно было случиться. Пусть мы с мистером Уикером и не были больше на ножах, как в Выштране, но романтических чувств к нему я питала не больше, чем он ко мне. Наши отношения были чисто деловыми.

Мне очень хотелось в самых недвусмысленных выражениях дать матери отповедь за подобные мысли, но я воздержалась. Не столько из-за совершенной недопустимости подобных разговоров на людях, сколько из-за того, что вспомнила: нас с мистером Уикером связывают не только вопросы эриганской экспедиции, но и еще одно дело.

К счастью, прежде, чем я успела забыть о рамках приличий и разразиться вопросами, Джудит жестом пригласила мистера Уикера продолжать.

– Разумеется, мистер Уикер. Или ваше сообщение – не для посторонних ушей?

Помня о подозрениях матери, я не согласилась бы выслушать его новости наедине даже за сто соверенов.

– Прошу вас, – сказала я. – Что произошло?

Мистер Уикер испустил долгий вздох, и все напряжение оставило его. Он разом обмяк, плечи его поникли.

– Вторжение со взломом. К Кемблу.

– К Кемблу… о, нет, – мои плечи тоже поникли, точно так же, как и его. – Что уничтожено? Или…

Мистер Уикер мрачно кивнул.

– Украдено. Его записи.

Не уничтожение, но кража… Кто-то узнал, чем занимается Кембл, и решил украсть результаты его работы, чтобы воспользоваться ими самому.

Совершенно забыв о подобающем леди достоинстве, я устало опустилась в кресло. Фредерик Кембл был химиком,

нанятым мистером Уикером – вернее, мной: деньги были моими, хотя выбирал их получателя он – для продолжения исследований, данные о которых мы, в свою очередь, похитили в Выштране три года назад.

Эти исследовательские данные касались методики сохранения драконьей кости – изумительного вещества, прочного и легкого, но быстро распадающегося вне живого организма.

Чиаворец, разработавший эту методику, был вовсе не первым, пытавшимся добиться этого. То, что началось с простой таксидермической проблемы, порожденной стремлением охотников сохранять трофеи в виде голов убитых драконов и желанием натуралистов получить образцы для долговременного изучения, вызвало немалое любопытство со стороны химиков. В поиске решения этой головоломки состязались около десятка ученых: каждый старался найти ответ (как они полагали) первым. По-видимому, несмотря на все наши старания держать работу Кембла в секрете, кто-то прознал о ней.

– Когда? – спросила я, но тут же отмахнулась от этого вопроса, как от глупого и бессмысленного. – Впрочем, ясно: прошлой ночью, и более точное время вам вряд ли известно.

Мистер Уикер кивнул. Он жил в городе и каждый селемер с утра первым делом навещал Кембла. Значит, новости были утренними, если только Кембл не услышал взломщика и не спустился вниз в ночной рубашке посмотреть, что там за шум.

Внезапно похолодев, я подумала о том, что могло бы случиться, если бы так и вышло. Пустился бы взломщик бежать? Или наутро мистер Уикер обнаружил бы нашего химика мертвым?

Подумав об этом, я тут же упрекнула себя в излишнем драматизме. Но, справедлив был упрек или нет, времени на подобные мысли у меня не оказалось: от раздумий отвлек резкий голос матери.

– Изабелла! Во имя неба, о чем говорит этот человек?

Непочтительная мысль о том, что мать, по крайней мере, не сумела найти в сообщении мистера Уикера ни намека на что-либо нескромное, послужила мне некоторым утешением.

– О наших исследованиях, мама́, – ответила я, выпрямляясь в кресле и поднимаясь на ноги. – Тебя это никоим образом не должно волновать. Но, боюсь, визит придется прервать: мне крайне необходимо поговорить с мистером Кемблом, и как можно скорее. Поэтому я, с твоего позволения…

Мать тоже встала и протянула руку мне вслед.

– Прошу тебя, Изабелла. Я ужасно беспокоюсь за тебя. Эта экспедиция, в которую ты намерена…

Должно быть, она действительно была обеспокоена, если заговорила о столь личных материях при постороннем – то есть мистере Уикере.

– Мама́, поговорим об этом позже, – сказала я, отнюдь не собираясь продолжать этот разговор. – Дело действительно

неотложное. Я вложила в работу мистера Кембла немалые деньги и должна выяснить, сколько потеряла.

Глава вторая

У Фредерика Кембла – Синтез – Симпозиум – Лорд Хилфорд – Натали и ее виды на будущее – Две недели

Затворническая жизнь крайне отрицательно сказывается на живости речи. За эти годы я привыкла обдумывать свои слова, перечитывать их по нескольку раз и переписывать начисто, прежде чем отправить окончательный вариант письма адресату. Но мое замечание достигло предполагаемой цели – мать наконец-то позволила мне уйти под вежливые прощания Джулии, заполнявшие неловкие паузы. Но, стоило выйти на улицу, от моего удовлетворения не осталось и следа.

– Боюсь, я еще пожалею об этом, – призналась я мистеру Уикеру, натягивая перчатки.

– Не думаю, что вы потеряли так уж много денег, – заметил он, поднимая руку, чтобы остановить кеб-двуколку, направлявшийся к ближайшей извозчичьей бирже.

Вздохнув, я опустила его руку.

– Мой экипаж – через улицу. Нет, речь не о вложениях – жалеть о них мне и в голову не пришло бы. Только о том, что я упомянула об этом при матери. Сейчас она склонна считать ошибочным все, что бы я ни делала.

Мистер Уикер оставил это без ответа. Хоть отношения наши и сделались к тому времени теплее, между нами не было обычая обсуждать друг с другом личные неприятности.

– Впрочем, пропало не все, – сказал он. – Прошлым вечером, отправляясь спать, Кембл взял последний из дневников с собой, наверх, чтобы перечитать и подумать перед сном. Возможно, его жена и недовольна этой привычкой, но в данном случае нам остается только благодарить за нее бога.

(Тех из моих читателей, кого коробят подобные мелкие богохульства, должна предупредить: дальше последуют и новые. Во время выштранской экспедиции мистер Уикер сдерживал язык в моем присутствии, но после того, как мы свыклись друг с другом, за ним обнаружилась привычка поминать имя господа всуе. Если же подвергать его язык цензуре, вы не получите полного представления о его характере, и посему молю вас простить его – а заодно и мою – прямоту. Ни он, ни я особой религиозностью никогда не отличались.)

Миссис Кембл вовсе не была возмущенной домохозяйкой: она работала с мужем, взяв на себя практические заботы наподобие заказа и отмеривания химикатов, пока он часами таращился в стену и грыз разлохмаченный кончик пера, погрузившись в теоретические размышления. Однако она полагала, что работу следует отделять от повседневной жизни, и я – как вы могли заметить, человек того же склада ума, что и Фредерик Кембл – благословляла ее неспособность отучить мужа от его привычек.

Так я и сказала ей, когда мы прибыли в Таннер-филдс, в дом Кембла, служивший ему и лабораторией. Ответом мне был холодный взгляд, не вполне скрывавший нервозность,

вызванную ночным вторжением.

– Благодарю вас, миссис Кэмхерст, но, боюсь, лабораторной посуды его привычки не уберегли.

– Позвольте взглянуть, – сказала я.

Миссис Кембл отвела нас в подвал, освещенный лишь лучами солнца, проникавшими внутрь сквозь подвальные окошки. Но масштаб разрушений нетрудно было оценить и в полумраке: повсюду битое стекло, сломанные и искореженные измерительные приборы… Воздух был полон вони химикалий, несмотря на распахнутые окна и усилия мальчишки, старательно вращавшего ручку вентилятора снаружи. Грабители не только похитили записи Кембла – они сделали все, что могли, чтобы замедлить его будущий прогресс.

– Мне очень жаль, миссис Кембл, – сказала я, зажимая нос платком. – Напишите моему поверенному, и я позабочусь о возмещении ущерба. Конечно, это не восстановит вашего душевного спокойствия, но… – я беспомощно развела руками. – Но хотя бы поможет восстановить лабораторию.

– Очень любезно с вашей стороны, миссис Кэмхерст, – смягчившись, ответила она. – Кембла я отослала наверх, чтобы не путался под ногами, пока я разбираюсь, что сломано, а что пропало. Люси приготовит вам чаю.

Мы с мистером Уикером послушно поднялись в гостиную, где обнаружили Фредерика Кембла, яростно строчившего что-то на листе писчей бумаги. Другие такие же листы были разбросаны по столу и по полу, и Люси, единственная

незамужняя дочь Кемблов, безуспешно пыталась найти свободное место для подноса с чайными приборами и стопкой чистой бумаги. Увидев нас на пороге, она коснулась локтя отца.

– Папа́…

– Не сейчас! Дайте же мне…

Он резко мотнул головой – по-видимому, это должно было заменить взмах руки, поскольку руки его были заняты.

Люси отступила к нам.

– Что он делает? – тихонько, не смея повысить голос, спросила я.

– Записывает все, что удается вспомнить, – ответила Люси. – Из того, что было в похищенных дневниках.

После трех лет работы процесс консервации драконьей кости должен был отпечататься на изнанке его век: даже я запомнила его во всех подробностях, отнюдь не будучи химиком и не понимая, что означает большая их часть. Что же до остального…

– Мистер Уикер сказал, что последний из дневников уцелел, верно? А если так, что проку в прежних дневниках?

Большая часть прежних дневников описывала неудачные эксперименты и к данному моменту устарела.

Люси развела руками.

– Он говорит, даже старые дневники очень важны: ему нужно заглядывать в них время от времени.

Она ушла, чтобы принести еще чашек, и после этого мы

с мистером Уикером, устроившись в дальнем углу гостиной, выслушали ее рассказ о взломе и о прогрессе в расследовании его причин. К концу рассказа Кембл был готов сделать перерыв в работе и обратить внимание на окружающий мир.

– Явись они накануне шаббата… – сказал он, очевидно, радуясь, что этого не произошло. Дочь подала ему чашку чая, он принял ее, не глядя, и рассеянно выпил до дна. – В эромер, за ленчем, я просматривал старые дневники и нашел в них кое-что, достойное внимания. В прошлом году я…

Мистер Уикер, давно научившийся распознавать тревожные признаки, прервал Кембла прежде, чем тот успел углубиться в дебри научного жаргона, в котором я не поняла бы ни слова. На протяжении одной моей жизни объем наших познаний возрос так стремительно, что я, хоть и считаюсь дамой весьма ученой, совершенно не разбираюсь в целом ряде областей науки, к числу коих принадлежит и химия. Во времена моей молодости все это не входило в курс обучения юных леди, а мое самообразование развивалось в иных направлениях. Посему мистер Уикер перевел разговор на то, что меня действительно интересовало.

– Да, утром вы упоминали об этом. У вас возникла новая идея?

– Думаю, да, – ответил Кембл. – Пока что это только мысли; потребуется множество опытов. Но, возможно, мне, наконец, удалось найти идею синтеза.

Эти слова я слышала от него уже в пятый раз – иначе, на-

верное, была бы взволнована куда сильнее. В конце концов, для этой цели мы и наняли Кембла. Мы знали, как сохранить драконью кость, это больше не составляло трудностей. Но три года назад, обсуждая эту тему, мы с мистером Уикером поняли, к чему могут привести эти знания.

Физические свойства драконьей кости делали ее весьма привлекательной не только для охотников, желавших сохранить на память охотничьи трофеи, и натуралистов, жаждавших заполучить образцы для неторопливого изучения *post mortem*[1]. Прочностью и легкостью драконья кость намного превосходила железо и сталь, и, ввиду истощения легкодоступных месторождений железной руды в Антиопе и прочих частях света, ценность любой альтернативы год от года росла.

Последствия промышленного применения драконьей кости я могла бы перечислять очень и очень долго. Более того, я загодя написала на эту тему статью, готовую к отправке во все заслуживающие уважения издания в любую минуту. Драконы встречались еще реже, чем железо, и, хотя действительно размножались (чего не водится за железной рудой), любой хоть сколько-нибудь масштабный спрос на их кость привел бы к их массовому истреблению, а то и к полному уничтожению. Неправильная форма многих костей делала их плохо пригодными для постройки машин, вследствие чего множество материала шло бы в отходы. Дороговизна и

[1] Здесь: посмертно (*лат.*). *Здесь и далее – примеч. перев.*

трудность его добычи путем охоты на драконов (многие из которых обитают в областях столь же чужих и далеких, как и те, что до сих пор были богаты железом) делала все это предприятие, мягко говоря, не слишком выгодным. Все это излагалось на многих страницах, однако в моих построениях имелся серьезный изъян: они основывались на том, что люди, прежде чем принимать решение, поразмыслят над данным вопросом, выбрав рациональный подход.

Правда же заключалась в том, что эта идея привлекла бы к себе множество аферистов, будто дохлая лошадь – стаю падальщиков, готовых в считаные минуты обглодать кости дочиста. И если бы я попыталась убедить себя, что это преувеличение, что до такого мрачного сценария дело не дойдет, достаточно было бы вспомнить эриганский континент, где в дела местных народов, привлеченные зовом железа, вмешались несколько антиопейских держав. Если уж ради возможности строить новые паровые машины Тьессин пошел на завоевание Дьяпы, Чиавора инспирировала государственный переворот в Агви, а Ширландия встала стеной между Талусским Союзом и военной мощью Иквунде, то несколькими безмозглыми тварями мы тем более пожертвуем без колебаний.

Я вздохнула и допила чай.

– При всем уважении к вам, мистер Кембл, я едва ли не рада еще одному взгляду на нашу проблему. Уверена, вы в силах решить эту головоломку, имея достаточно времени,

но, вполне вероятно, времени-то у нас и нет. Рано или поздно кто-нибудь додумается до метода Росси даже без ваших дневников. И, если мы хотим предотвратить тот хаос, к которому это неизбежно приведет, нам нужен способ удовлетворить потребности в новом материале без убийства драконов.

– Сомневаюсь, что нам настолько повезет, – мрачно сказал мистер Уикер. – С обладателем этого еще одного взгляда. Многие ли согласятся затратить столько же сил, сколько мы с вами, всего-то ради спасения животных? Мы уже истребляем слонов ради слоновой кости, а тигров – ради шкур, а ведь то и другое – материалы чисто декоративные.

Скорее всего, он был прав.

– Тогда, – со вздохом сказала я, – остается только надеяться, что полиция сумеет вернуть похищенные дневники, хотя надежда невелика. Нет ли у нас каких-либо соображений, кто мог сделать это?

Судя по воцарившемуся в гостиной угрюмому молчанию, ответ начинался с «да», а дальше становился таким, что хуже некуда.

– Думаю, о симпозиуме вам известно, – уклончиво ответил мистер Уикер.

Речь шла о съезде ученых, устроенном Коллоквиумом Натурфилософов, самым почтенным научным обществом Ширландии. Мистер Уикер не был приглашен на этот симпозиум, так как не относился к числу благородных джентльменов. Не получила приглашения и я, при всем благородстве

происхождения не относившаяся к числу мужчин.

Однако оба мы знали того, кто соответствовал и тому и другому требованию.

– Если это один из гостей, возможно, лорду Хилфорду удастся что-нибудь выяснить.

– Но времени у него будет мало, – сказал Кембл, очнувшись от раздумий, в которые так часто погружался с головой. – Если не ошибаюсь, симпозиум закрывается на этой неделе.

Так оно и было: вскоре съехавшимся ученым предстояло отправиться по домам.

– В самом деле. Тогда я, кажется, знаю, чем у меня занят остаток дня.

* * *

Уже на пороге городского дома лорда Хилфорда я вспомнила, что обещала нанести визит родственникам со стороны мужа, но все равно постучалась в дверь, решив попросить эрла отправить им записку. Как выяснилось, он еще не вернулся домой с лекций, и времени у меня, пока я ожидала его в гостиной, оказалось предостаточно.

Если вы подумаете, что этого времени вполне хватило бы, чтобы сдержать обещание, то будете более-менее правы. Кэмхерсты жили совсем недалеко от лорда Хилфорда, на Морнетти-сквер, и на дорогу туда и обратно потребовалось бы не более двадцати минут. Но я не могла знать, надолго

ли у них придется задержаться, а предупредить лорда Хилфорда о вторжении к Кемблу следовало как можно скорее. Если за этим возмутительным происшествием стоял кто-то из гостей симпозиума, у нас было очень мало времени на то, чтоб выяснить, кто именно, и еще меньше – чтобы хоть что-нибудь предпринять.

По крайней мере, так говорила я самой себе, но истинным было другое: сказав матери, что мой деверь Мэттью согласен взять Джейкоба к себе на время моего отсутствия, я умолчала о том, что он отнесся к этому плану без всякого энтузиазма. Его жена вовсе не возражала против временного прибавления в семействе, но Мэттью не на шутку опасался, что оно легко может сделаться постоянным. Возможно, он-то и проболтался о нашей экспедиции в Эригу там, где это могла слышать мать. Совершенно опустошенная утренней стычкой и ужасной новостью об ограблении со взломом, я была совсем не в настроении видеться с тем, кого не могла счесть добрым другом.

Поэтому я написала записку с извинениями, отправила ее на Морнетти-сквер с посыльным лорда Хилфорда, крепко сцепила пальцы и принялась в тревоге расхаживать по комнате; к возвращению эрла я успела составить сотню самых разных (и совершенно никчемных) планов.

Услышав из передней его рокочущий бас, я не смогла усидеть в гостиной. Увидев меня в дверях, он изумленно вскинул кустистые белые брови.

– Неизменно рад видеть вас, миссис Кэмхерст, но, судя по выражению лица, вас привели ко мне отнюдь не добрые вести.

– Именно, – подтвердила я.

Пока он освобождался от плаща и шляпы, я вкратце рассказала, что стряслось. Трость он прихватил с собой: с годами его ревматизм ухудшался и мало-помалу превращал ее из простого украшения в предмет насущной необходимости. Проследовав за мной в гостиную, лорд Хилфорд со вздохом опустился в кресло.

– М-м-м, – протянул он, дослушав мой рассказ. – Заставляет задуматься: уж не побывал ли кто-нибудь в Выштране? Ильиш ни о чем подобном из Друштанева не писал, но вы же знаете, как там обстоят дела с почтой. К тому же, кто-то мог проскользнуть незамеченным.

Друштаневские крестьяне должны были охранять от любопытствующих расположенную неподалеку пещеру – драконье кладбище. Найденные в ней неразложившиеся драконьи кости и подсказали, какова роль кислоты в процессе их консервации.

– В книге мы не писали об этом ничего, – напомнила я лорду Хилфорду, имея в виду монографию, опубликованную по результатам нашей экспедиции. – Только отметили, что драконы разрывают своих умерших на части и переносят эти части в некую пещеру. Это никого не могло натолкнуть на мысли о сохранении драконьей кости – и тем более о ме-

стоположении пещеры.

Взмах руки эрла напомнил о том, что в моих словах нет для него ничего нового.

– Все же такой возможностью не стоит пренебрегать. Еще один возможный вариант: Кембл заговорил.

– Если он заговорил, зачем было громить его лабораторию? – с возмущением возразила я, но тут же обнаружила изъян в собственной логике. – А-а, вы обвиняете его не в продаже секрета, а только в случайной оговорке, позволившей кому-то из посторонних догадаться, над чем он работает.

– Это мог сделать любой из нас, – согласился лорд Хилфорд. – Включая меня. Хотелось бы думать, что я не из болтливых, но… Ученые пьют куда больше, чем принято считать, а я уже не так устойчив к алкоголю, как в прежние времена.

Я подумала, что это, по крайней мере, вряд ли была я сама. Не в силу каких-либо особых достоинств, но лишь благодаря отсутствию возможности: ведь все это время я почти не общалась с незнакомыми людьми. Однако говорить об этом было бессмысленно, и потому я сказала только:

– Кого из приглашенных на симпозиум вы могли бы заподозрить? Или, возможно, из членов Коллоквиума?

Лорд Хилфорд досадливо крякнул.

– К несчастью, не одного и не двух. Во-первых, этому крысомордому мараньонцу я не верю ни на грош: его уже обвиняли в том, что он выдает чужие результаты за собственные.

Во-вторых, Гуаталакар открыто признает, что работает над сохранением драконьей кости. Из бульской делегации никто об этом не говорил, но возможностей шарить по всей Выштране у них куда больше, чем у остальных. Что до хингезцев… Простите, миссис Кэмхерст, но мне нужно знать больше, иначе остается только гадать.

– Ну что ж, мистер Уикер все еще у Кембла, они говорили с полицией – можно надеяться, какой-нибудь след вскоре будет найден, – я поднялась и снова начала мерить шагами гостиную, крепко сцепив пальцы на груди. – Как жаль, что я ничем не могу ускорить эти исследования! Деньги ведь еще не все – они не заставят мозг Фредерика Кембла работать быстрее.

– Уделите больше внимания собственным исследованиям, – резонно сказал лорд Хилфорд. – Возможно, сумеете обнаружить что-либо полезное. А если и нет, чем больше мы знаем о драконах, тем больше знаний сможем использовать для их защиты. Но… э-э… если позволите перейти от одной волнующей нервы материи к другой…

Этого было достаточно, чтобы я замерла на месте. Подобной тревоги в голосе эрла я не слышала еще никогда. Я повернулась к нему, но он молчал, жуя кончик вислого уса. Молчание затягивалось.

– О, говорите же, – довольно резко сказала я. – От долгого ожидания моим нервам легче не станет.

– Натали, – нехотя сказал он. – Или, скорее, ее семья.

Обычно ни его внучка, ни ее семья предметом хоть сколько-нибудь напряженных разговоров не служили, но…

– Дайте-ка угадаю, – со вздохом сказала я. – Они решили, что я для нее – компания неподходящая. Что ж, это мнение разделяет вся Ширландия: я – неподходящая компания для всех и каждого.

– Не совсем так. Они полагают вас эксцентричной, но по большей части безвредной. Беда вот в чем: общество эксцентричной дамы не пойдет на пользу незамужней юной леди, если та желает изменить семейное положение.

Я удивленно наморщила лоб.

– Но ведь Натали всего… – но тут арифметика нагнала мои слова и заставила их прервать бег. – Почти двадцать, – обескураженно закончила я. – Понимаю.

– Именно, – лорд Хилфорд тоже вздохнул, разглядывая набалдашник трости куда внимательнее, чем он того заслуживал. – И потому ее семья твердо убеждена, что ей не следует сопровождать вас в грядущей экспедиции. Вы будете в отъезде минимум полгода, а вероятно, и больше, а это – гибель всех ее брачных перспектив. «Старая дева», и все такое… Я возражал, вправду возражал, но…

В этом я не сомневалась. Лорд Хилфорд имел весьма прогрессивные взгляды на то, что позволено дамам, а Натали просто обожал, однако законным опекуном внучки был не он.

– Вы говорили с ней?

– Она знает, что думает на этот счет ее семья. Я надеялся, что вы сможете поговорить с ней – ну, знаете, как женщина с женщиной – и попробовать уговорить ее смириться с положением дел. Ее ведь не собираются приковать цепью к какому-нибудь тупому и грубому зверю. Однако, если Натали не найдет мужа в самом скором времени, то вряд ли сумеет отыскать кого-нибудь другого.

– Я посмотрю, что смогу сделать.

– Благодарю вас, – с заметным облегчением сказал лорд Хилфорд. – Но с этим нужно поспешить. Я собирался писать вам сегодня, но теперь могу сказать лично: сроки изменились. Вы с Уикером можете быть готовы к отъезду через две недели?

Держи я в тот момент хоть что-нибудь в руках – быть бы ему на полу.

– Через две недели?!

– Если нет, так и скажите. Но это может привести к новой задержке. В министерстве иностранных дел грядут перемены, и тот парень, что примет должность, не слишком-то одобряет путешествия в Нсебу, особенно когда в тех местах неспокойно.

– Неспокойно? – переспросила я, вспомнив о словах матери.

– Ах да, эти новости еще не попали в газеты, – спохватился лорд Хилфорд. – Я узнал об этом от своего человека в министерстве. Отряд королевских инженерных войск по-

пал в засаду во время землемерных съемок на южном берегу Гирамы – то есть на территории, считавшейся полностью подконтрольной нам и безопасной. Похоже, эреммо настолько смирились с властью иквунде, что иквундийский инкоси снова начал поглядывать в сторону соседних земель. И это вызвало нешуточную тревогу в определенных кругах.

И было, отчего встревожиться – учитывая военные успехи, которым в Иквунде радовались вот уже пятьдесят лет, при одном воинственном инкоси за другим. Однако я верила в наших солдат – тем более что речная область между Байембе и Эреммо находилась на противоположной от Нсебу границе страны.

– Несчастье за несчастьем, – вздохнула я. – Я начинаю думать, что наша экспедиция не состоится никогда.

– Она состоится, миссис Кэмхерст, если только поторопиться. Иначе придется уламывать еще и этого нового парня.

Уламывая прежнего, мы уже потратили не один месяц. Прикинув состояние дел, я едва сумела подавить совершенно не подобающее леди желание выругаться. Я очень рассчитывала на то, что в этом путешествии меня будет сопровождать Натали. Что хуже: путешествовать одной – да еще ни более ни менее, как в обществе неженатого мужчины – или в срочном порядке подыскать другую компаньонку? Вернее сказать, не окажется ли последний выход хуже, чем возможные последствия первого?

Как бы то ни было, я не позволила этому обстоятельству

повлиять на мой ответ.

– Да, я могу быть готова. Но мистера Уикера вам придется спросить самому.

– Что скажет Том, я и без того знаю, – эрл уперся в подлокотники и тяжело поднялся с кресла. – Значит, через две недели. Уверен, вам нужно подготовиться. А я тем временем займусь вопросом вторжения к Кемблу.

Глава третья

Крылья Натали – О достоинствах замужества – Слово сдержано – Леди за ужином – Лорд Кэнлан

– Вас ожидает мисс Оскотт, – сообщил лакей, когда я вернулась домой. – Полагаю, она – в вашем кабинете, мэм.

Натали… Я предпочла бы отложить выполнение обещания, данного лорду Хилфорду, но если до отъезда осталось лишь две недели, другого времени просто могло не найтись.

– Благодарю вас, – рассеянно ответила я и отправилась наверх.

Мой кабинет некогда был кабинетом мужа. Слуги называли эту комнату просто «кабинетом» добрых два года после его гибели: она была не из тех, на какие обычно претендуют женщины. Но мало-помалу они заговорили иначе: «ваш кабинет». Несомненно, благодаря тому, сколько времени я проводила в нем – зачастую в обществе Натали Оскотт.

В самом деле, она была здесь – прикрепляла кнопками лист бумаги к пробковой доске, повешенной нами на стену специально для этой цели.

– О небо, Натали, – сказала я, увидев начерченную на бумаге фигуру. – Опять оно?

– Я улучшила конструкцию, – ответила она, сверкнув улыбкой из-за плеча. – По совету одного энтузиаста из Лоппертона. Он думает, я – парень по имени Натаниэль: если по-

стараться, мне очень хорошо удается мальчишеский почерк. Пригодилось для подделки тетрадей братьев, когда они не желали писать упражнения, заданные домашним учителем. Ну, что скажешь?

На листе красовался большой чертеж, подобные коему я видела уже не раз. Через весь лист тянулось крыло, окруженное аккуратно проставленными размерами и примечаниями, которых я не могла прочесть оттуда, где остановилась. Но одно отличие от прежних чертежей было очевидно даже издали.

– Крылья будут изогнуты? – спросила я, не в силах сдержать любопытство.

– Да, он полагает, изгиб лучше прямой линии. И еще он предложил изменения подвесных ремней, которые намерен опробовать сам, как только конструкция будет готова.

Я, говоря откровенно, считала, что оба они сошли с ума. Да, как я уже упоминала в предыдущем томе мемуаров, драконьи крылья увлекли меня еще в детстве, и мысль о том, чтобы присоединиться к драконам в воздухе, выглядела очень заманчиво. Но силы грудных мышц человека недостаточно, чтобы летать при помощи искусственных крыльев, и об этом Натали следовало подумать прежде всего. В лучшем случае человек мог бы планировать, да и на этот счет у меня имелись сомнения.

Но для Натали это обстоятельство только сделало задачу еще интереснее. Для нее все это было интеллектуальной го-

ловоломкой: возможно ли сконструировать такую штуку? В поисках решения она освоила математику до таких глубин, в которых я не понимала ни аза. Кроме этого, она вступила в переписку с другими энтузиастами, поскольку была не единственной интересующейся этим вопросом.

Сама Натали еще не пыталась строить и испытывать свои конструкции, чему я была очень рада. Хоть муж и называл меня «королевой ненормальной практичности» за воплощение в практику таких идей, какие никому другому и в голову бы не пришли, даже у меня есть свои пределы. Пусть эти пределы, как еще покажет данное повествование, значительно шире, чем я утверждала (ничуть не кривя при этом душой), но, чтобы узнать об этом, их нужно было преодолеть. Что я неизменно и делаю в обстоятельствах, в коих движение вперед – единственный резонный образ действия, и «ненормальность» моей практичности становится для меня очевидной лишь впоследствии.

Кроме этого, в успехе безрассудных затей других я была уверена куда меньше и вовсе не хотела потерять ближайшую подругу из-за перелома шеи. После гибели Джейкоба Натали, как никто другой, помогла мне найти утешение, и при мысли о том, что ее нельзя будет взять с собой в Нсебу, на душе стало еще тяжелее.

Натали заметила мое беспокойство, но насчет его причины ошиблась.

– Обещаю, Изабелла, я не собираюсь отдавать собствен-

ные кости на милость законов физики. По крайней мере, до тех пор, пока мистер Гарселл не проведет достаточно испытаний и не сможет с уверенностью сказать, что конструкция удачна.

– Дело не в этом, – вздохнула я, направляясь к своему столу (некогда – столу Джейкоба) перед широкими окнами, выходившими в садик на заднем дворе.

Стол был завален книгами и отдельными страницами, а над ними стоял на страже мой искровичок Изумрудик: здесь горничной запрещалось касаться чего бы то ни было, включая пыль. Карты Эриги, записки путешественников, наброски статьи, которую я собиралась, с разрешения и при содействии лорда Хилфорда, опубликовать под его именем, поскольку Коллоквиум ни за что не принял бы к публикации работу женщины…

Возможно, именно из-за воспоминаний о требованиях Коллоквиума мой голос прозвучал горше, чем хотелось бы:

– Сегодня я говорила с твоим дедом. О твоих домашних.

– О-о…

Казалось, этот звук открыл клапан, сквозь который из Натали разом улетучилась вся живость.

Я опустилась в знакомое, привычное кожаное кресло.

– Похоже, ты все знаешь. Они не хотят, чтобы ты ехала в Эригу.

– Они хотят, чтобы я осталась здесь и занялась поисками мужа. Да.

Натали отвернулась и прошлась по кабинету. То, что эта мысль не вызывает в ней никакого энтузиазма, можно было понять, даже не видя ее лица.

– Натали, в конце концов, все это не обязательно так уж плохо. Дед на твоей стороне, а семья, судя по твоим рассказам, относится к твоим интересам хоть с каким-то пониманием. Мой отец приглашал сваху, чтобы получить список неженатых мужчин, которые согласились бы делить со мной свои библиотеки. Уверена, ты можешь пойти еще дальше и отыскать мужа, который поддержит тебя в работе.

– Возможно.

Судя по тону, это ее ничуть не переубедило. Однако, прежде чем мне удалось подыскать слова, чтобы развить свой аргумент, Натали продолжала:

– Я понимаю: положение безвыходное. Так или иначе, мне придется от кого-то зависеть. Если не от мужа, то от кого-то из братьев, или… – она оборвала фразу, не закончив. – Этого я не могу просить даже у них. А уж тем более – у человека совсем постороннего.

Однако от меня не укрылось ее «или». Она явно собиралась назвать какую-то третью возможность, но заставила себя замолчать. И спрашивать об этом прямо, пожалуй, не стоило.

– Но разве тебе не хочется выйти замуж? – спросила я. – При условии, что ты найдешь хорошего мужа.

Мисс Натали Оскотт

Натали замерла без движения – видимо, обдумывая мои слова. Затем она повернулась ко мне лицом и сказала – так, точно до сего момента сама не знала правдивого ответа:

– Нет. Не хочется.

– Не ради благополучия, – уточнила я. В те времена движение «Независимой Добродетели» еще не сформировалось, но его главный аргумент уже пересказывали друг другу негромким, едва ли не возмущенным шепотом: если женщина меняет свои брачные предпочтения на материальные блага, не превращает ли это брак в своего рода проституцию? – Ради дружеского общения, любви или…

Настала моя очередь оборвать фразу на полуслове, устыдившись ее окончания.

Щеки Натали залились краской, однако она ответила:

– Нет. Ни ради того, ни ради другого. Конечно, я была бы рада мужской дружбе, но роды опасны, а материнство отнимет у меня слишком много времени, а интереса к этому… так сказать, занятию ради него самого у меня нет. И что остается?

Правду сказать, оставалось немногое. Разве что избавление от воркотни домашних, но ей можно было положить конец разными способами.

Возможно, с моей стороны было бы разумнее подождать, пока я не оценю состояние своих финансов, но через две недели мне предстоял отъезд в Нсебу, и впустую тратить вре-

мя – свое и Натали – на лишние приготовления совсем не хотелось.

– Если уж ты непременно должна от кого-то зависеть, – сказала я, – и если твои убеждения это позволят, давай этим кем-то буду я. Вдовы часто берут в дом компаньонок, а ты и так практически была моей компаньонкой в последние несколько лет. А еще – дорогой мне подругой. Отчего бы не оформить все это официально?

Задержка в ее дыхании подсказывала, что я угодила в цель. Однако Натали запротестовала:

– Нет, Изабелла, я так не могу. Если я не выйду замуж, то на всю жизнь превращусь в обузу. А что, если ты передумаешь – через два года, через десять, через двадцать? К тому же это может отравить нашу дружбу, а мне бы совсем этого не хотелось.

Я беспечно рассмеялась, пытаясь унять отчаяние в ее глазах.

– Обуза на всю жизнь? Чушь. Оставайся со мной, а я уж обеспечу тебе жизнь независимой и эксцентричной старой девы, поддержанную, если захочешь, твоими познаниями и пером. Другие дамы делали это и до нас.

Правда, немногие. А в тех областях, к которым влекло Натали, преуспели и вовсе единицы. Для дам было куда приличнее изучение истории, чем безумные изобретения вроде искусственных крыльев. Однако я твердо решила прожить жизнь, как того требуют мои наклонности, и вдобавок доби-

валась этого с таким рвением, что общество не смогло мне в этом отказать, и потому проповедовать Натали женскую покорность с моей стороны было бы высшей степенью лицемерия. И все трудности, и цена такой жизни были ей известны: она ведь видела, как живу я.

Судя по огоньку, разгоравшемуся в ее глазах, трудности были невелики, а о цене не стоило и говорить. На словах она продолжала возражать, но только из-за своей приверженности к логике.

– Боюсь, моих домашних придется убеждать. И убеждений потребуется столько…

– Тогда у тебя два выхода, – сказала я, поднимаясь из-за стола. Свет, падавший из окон за моей спиной в это время дня, должен был окружить меня сияющим ореолом, и я не погнушалась использовать это ради пущего драматического эффекта. – Можешь остаться в Ширландии и заняться их убеждением, а я буду рада видеть тебя рядом, когда с этим будет покончено. А можешь оповестить домашних о своих намерениях, отправиться в Нсебу со мной, через две недели, и пусть они сами разбираются в собственных мыслях и чувствах.

– Через две недели? – голос Натали разом ослаб. – Ты уезжаешь через… о, но ведь…

Я молча ждала. Мои слова были совершенно искренни: я была бы рада ее компании и в том случае, если бы она предпочла присоединиться ко мне позже, или вовсе решила до-

жидаться меня в Ширландии. К тому же, навязывать ей свои предпочтения было бы просто нечестно.

Кроме этого, я знала Натали так хорошо, что без труда могла предугадать ее ответ. Плечи Натали расправились, подбородок поднялся.

– Я обещала поехать с тобой в Эригу, – сказала она. – Леди должна держать слово. Семью я поставлю в известность немедля.

* * *

Никогда прежде мне не пришло бы в голову счесть Максвелла Оскотта, эрла Хилфордского, садистом. Однако метод, к коему он прибег, чтобы вывести вора на чистую воду, вынудил меня пересмотреть мнение по данному вопросу – и сделать выводы, для эрла отнюдь не лестные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.